

G. J. RAMSTEDT

Einführung in die
Altaische Sprachwissenschaft

FORMENLEHRE

bearbeitet und herausgegeben

von
Pentti Aalto

HELSINKI

1952

Г. И. РАМСТЕДТ

Введение
в алтайское
языкознание

МОРФОЛОГИЯ

Обработано и издано

ПЕНТТИ ААЛТО

Перевод с немецкого

Л. С. СЛОНИМ

Под редакцией и с предисловием

Н. А. БАСКАКОВА

Примечания

Н. А. БАСКАКОВА

и

Г. Д. САНЖЕЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва, 1957

АННОТАЦИЯ

Данный труд посвящен основному разделу сравнительно-исторической грамматики алтайских языков — морфологии. На материале тюркских, тунгусских, монгольских и корейского языков дается анализ конкретных грамматических форм, который позволяет установить закономерность эволюции алтайских языков, представить развитие их грамматического строя и словарного состава, а также определить этимологию различных слов и суффиксов.

Книга представляет интерес как для лингвистов-востоковедов, специализирующихся в области тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, так и для более широких кругов лингвистов, занимающихся вопросами общего языкознания.

Сравнительно-историческое изучение алтайских языков имеет уже довольно длительную историю. Одним из пионеров и основателей урало-алтайской теории был шведский офицер И. Табберт-Страленберг — полтавский пленник Петра I. Находясь долгое время в Сибири и изучая там быт и языки местного населения, И. Страленберг, на основании собранного им фактического материала, дал первую классификацию уральских (угро-финских и самодийских) и алтайских (тюркских, монгольских и тунгусских) языков¹. Он первый из ученых обратил внимание на типологическое сходство этих языков и их родство. Позже урало-алтайская теория в различных ее вариантах получила признание у многих исследователей уральских и алтайских языков.

Если на первых этапах развития этой теории многие из ее представителей: В. Шотт², Г. Винклер³, А. Боллер⁴, А. Алквист⁵, В. Банг⁶ и другие были сторонниками родства этих языков не только внутри каждой, т. е. уральской и алтайской группы, но и уральских и алтайских языков между собой, то в настоящее время вполне доказанным является родство языков лишь внутри каждой из указанных групп. Что же касается отношений между уральскими (угро-финскими и самодийскими) и алтайскими (тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими) языками, то они основываются на типологическом сходстве, но не на генетических связях, хотя некоторые ученые, как, например, Ю. Немет⁷,

¹ См. его Tabula Polyglotta в сочинении F. J. v. Stralenberg, Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia, Stockholm, 1730.

² W. Schott, Versuch über die Tatarischen Sprachen, Berlin, 1836; его же, Über das Altäische oder Finnisch-Tatarische Sprachen-Geschichte, Berlin, 1849.

³ H. Winkler, Uralaltaische Völker und Sprachen, Berlin, 1884; его же, Das Uralaltaische und seine Gruppen, Berlin, 1885.

⁴ A. Boller, Die Pronominalsuffixe der uralaltaischen Verbuns, Sitzb. WAW, 25, Wien, 1858.

⁵ A. Ahlquist, Forschungen auf dem Gebiet der uralaltaischen Sprachen, 1861.

⁶ W. Bang, Uralaltaische Forschungen, Leipzig, 1890.

⁷ J. Németh, Az uráli és a török nyelvek ösi kapcsolata, „Nyelvtudományi Közlemények“, 47, Budapest.

Редакция литературы по вопросам филологии

Заведующий редакцией В. А. ЗВЕГИНЦЕВ

Б. Коллиндер¹, М. Ряснен² и др. приводят около трехсот общих лексических сопоставлений из уральских и алтайских языков, которые Ю. Немет объясняет либо древними заимствованиями, либо очень древним родством этих языков.

Е. Д. Поливанов³ и Г. И. Рамstedт⁴ несколько расширяют рамки алтайской группы языков, включая в ее состав также корейский язык. Данные корейского языка, приведенные Г. И. Рамstedтом в настоящей книге, весьма убедительно мотивируют правомерность отнесения корейского языка к языкам алтайским. Во всяком случае, в корейском и алтайских языках имеется большее количество лексических и грамматических элементов, которые могут быть объяснены их общим происхождением, чем в алтайских и уральских языках.

Менее убедительными и пока еще слабо аргументированными являются гипотезы о родстве алтайских языков с японским⁵, а уральских — с языками палеоазиатскими и, в частности, с юкагирским⁶.

Наконец, совершенно маловероятными и не имеющими каких-либо убедительных доказательств являются предположения о возможном родстве алтайских языков с американскими языками⁷, с одной стороны, и с сумеро-аккадскими — с другой⁸, точно так же, как алтайских и уральских языков с индоевропейскими. Впрочем, гипотезы о родстве алтайских языков с индоевропейскими языками в значительной мере представляются сомнительными и самим авторам этих предположений⁹. Сторонниками же родства только уральских языков с индоевропейскими яв-

¹ B. Collinder, *Über das Problem der Verwandtschaft der uralaltaischen Sprachen*, Uppsala, Univ. Årsskrift, 1948; его же, *La parenté linguistique et le calcul des probabilités*, Uppsala, 1947.

² M. Räsänen, *Uralaltaische Wortforschungen*, SO, XVIII, Helsinki, 1955.

³ Е. Д. Поливанов, К вопросу о родственных отношениях корейского и „алтайских“ языков, *Известия АН СССР*, 1927, стр. 1195—1204.

⁴ G. J. Ramstedt, *Remarks on the Korean Language*, MSFOu, 58, Helsinki, 1928; его же, *The nominal postpositions in Korean*, там же, 67, Helsinki, 1933, стр. 459—464; его же, *Studies in Korean Etymology*, там же, 95, Helsinki, 1949.

⁵ H. Winkler, *Japaner und Altaer*, Berlin, 1894; W. Pröhle, *Studien zur Vergleichung des Japanischen mit den uralischen und altaischen Sprachen*, KSz, 17, 1916; G. J. Ramstedt, *Japanin kielen historiasta*, STEP, 1942, стр. 108—113.

⁶ B. Collinder, *Das Alter der Vokalharmonie in den uralischen Sprachen*, Upsala, 1941.

⁷ B. Ferrario, *Della possibili parentela fra le lingue „altaiche“ od. alcune americane*, XIX Congresso internazionale degli Orientalisti, Rom, 1928, стр. 210—223.

⁸ Fr. Hommel, *Die sumero-akkadische Sprache und ihre Verwandtschaftsverhältnisse*, „Zeitschrift für Keilschriftforschung“, 1, Leipzig, 1884; его же, *Zweihundert sumero-türkische Wortgleichungen*, München, 1915.

⁹ F. Felden, *Ursprung der nichtgemein-indogermanischen Bestandteile der germanischen Sprachen*, „Anthropos“, 14—15, 1919—1920; D. Sinor, *Etudes sur l'Eurasie Centrale*, „Bulletin de littérature ecclésiastique“, № 1, стр. 39—55, № 3, стр. 150—171. Cp. M. Jensen, *Indogermanisch und Altaisch*, *Hirt-Festschrift*, II, 1935.

ляется автор настоящей книги Г. И. Рамstedт¹, а также и другие ученые (Х. Паасонен, Э. Н. Сетяля, Н. Андерсон, Б. Коллиндер и др.).

Таким образом, если оставить в стороне индивидуальные высказывания ученых о родственных отношениях указанных выше языков, то наиболее общепризнанным является родство уральских языков только внутри уральской группы и алтайских языков также только внутри алтайской группы. Что же касается генетической связи этих групп языков между собой, а также каждой из этих групп с языками корейским, японским, палеоазиатскими, индоевропейскими и другими, то здесь можно, пожалуй, согласиться с Г. И. Рамstedтом в том, что наибольшее количество общих генетических данных в области лексики и в области грамматики имеет, как это убедительно доказано в данной его работе, только корейский язык с языками алтайскими.

Из всех языков и языковых групп, отмеченных выше, наиболее полно изучены родственные отношения уральских, т. е. угро-финских и самодийских языков, и алтайских, т. е. языков тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских.

Сравнительно-исторические исследования по алтайским языкам довольно полно представлены и общими трудами, среди которых видное место занимают работы одного из крупнейших представителей урало-алтайского языкознания Г. Винклера²; общие сведения об алтайских языках и их отношении к другим языкам даны в известной работе французского тюрколога Ж. Дели³; исторические сведения о развитии алтайских языков и родстве тюркских и монгольских языков приводятся в некоторых работах венгерского тюрколога Ю. Немета⁴; из старых работ следует указать на работы В. Шотта⁵.

Лучше всего исследована в сравнительно-историческом аспекте фонетика алтайских языков. Кроме установления фонетической структуры общеалтайского языка-основы и описания состава гласных и согласных фонем алтайского праязыка⁶, многие исследователи занимались также характерными и специфическими фонетическими особенностями алтайских и урало-алтайских языков,

¹ Cp., например, G. J. Ramstedt, *The Relation of the Altaic languages in other language groups*, JSFOu, 53, Helsinki; его же, *Turkin kielen alkuperästä*, STEP, Helsinki, 1935, стр. 73—80.

² H. Winkler, *Die altaische Völker-und Sprachenwelt*, Berlin, 1921; его же, *Die altaische Sprachen*, Berlin, 1924 и др. его работы.

³ J. Dely, *Langues turques, langues mongoles et langues tongouzes*, „Les Langues du Monde“, Paris, 1924, 2-е издание, Paris, 1952.

⁴ J. Németh, *Die türkisch-mongolische Hypothese*, ZDMG, 71, Berlin, 1912.

⁵ W. Schott, *Versuch über die tatarischen Sprachen*, Berlin, 1836 и другие его работы.

⁶ J. Grunzel, *Zur Phonetik der altaischen Sprachen*, „Intern. Zeitschrift f. vergleich. Sprachwissenschaft“, 5, 1890; Z. Gombocz, *Zur Lautgeschichte der altaischen Sprachen*, KSz, 13, Budapest, 1912 и др.

отличающих их от языков других генетических групп. В частности, исследователей привлекала проблема губной и палатальной гармонии гласных, весьма характерной для этих языков¹.

Проведены некоторые изыскания также и в области алтайской сравнительно-исторической лексикологии. Некоторые, впрочем, весьма незначительные сведения из этой области имеются в работах В. Шотта², И. Грунцеля³, Е. Калливулиса⁴ и других ученых, но основные и фундаментальные работы по сравнительной лексикологии и этимологические исследования в области алтаистики принадлежат безусловно Г. И. Рамstedту⁵.

Много работ посвящено сравнительно-исторической морфологии алтайских языков. Пионерами создания сравнительно-исторической грамматики алтайских языков были немецкий ученый В. Шотт⁶ и финский исследователь А. И. Кастрен, изучавший живые алтайские языки непосредственно в Сибири и написавший большую монографию-диссертацию „De affixis personalibus linguarum altaicarum“. Большинство исследователей сравнительной грамматики алтайских языков на ранних этапах развития алтаистики занимались сравнительным изучением отдельных частей речи и главным образом имен числительных⁷ и местоимений⁸. Далее следует указать на исследования категории падежей в алтайском языке⁹.

¹ L. Adam, De l'harmonie des voyelles dans les langues ouraloaltaïques, Paris, 1874; J. Grunzel, Die Vokalharmonie der altaïschen Sprachen, Sitzb. WAW, Wien, 1888 и др.

² W. Schott, Einiges zur vergleichenden Etymologie von Wörtern des sogen. Altaïschen Sprachgeschlechts im weitesten Sinne, Sitzb. BAW, 1887, стр. 1029—1037 и другие работы.

³ J. Grunzel, Entwurf einer vergleichenden Grammatik der altaïschen Sprachen nebst einem vergleichenden Wörterbuch, Leipzig, 1895.

⁴ E. D. Callivoulis, De l'origine étymologique de quelques noms de nombre et de suffixe du pluriel dans les langues ouraloaltaïques, Paris, 1897.

⁵ G. J. Ramstedt, Kalmückisches Wörterbuch, Lexica Societatis Fennougricae, 3, XXX, стр. 560; его же, Die Verneinung in den altaïschen Sprachen, Eine semasiologische Studie, MSFOu, Helsingfors, 52, стр. 196—215 и другие работы.

⁶ W. Schott, Versuch über die Tatarischen Sprachen, Berlin, 1836; его же, Altaïsche Studien I—V, Abhandlungen der Berliner Akademie der Wissenschaften, 1859, 1861, 1866, 1869, 1871—1872.

⁷ W. Schott, Das Zahlwort in der tschudischen Sprachenklasse wie auch im Türkischen, Tungusischen und Mongolischen, там же, 1953 и более поздние работы; G. J. Ramstedt, Über die Zahlwörter der altaïschen Sprachen, JSFOu, 24, Helsinki, 1907; W. Kotwicz, Contribution aux études altaïques, II, Lemberg, 1930 и др.

⁸ A. Boller, Die Pronominalsuffixe des uralaltaïschen Verbuns, Sitzb. WAW, 25, Wien, 1858; Fr. Müller, Das Personalpronomen der altaïschen Sprachen, там же, 134, Wien, 1890, Abh. 1; и более поздняя работа W. Kotwicz, Les Pronoms dans les langues altaïques, Kraków, 1936 и др.

⁹ W. Bang, Zur Vergleichenden Grammatik der altaïschen Sprachen: 1. Zum Genitiv. Affix., 2. Zum Lokativ Affix., „Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes“, 9, 1895, стр. 267—276; B. Laufer, Zur Entstehung des Genitivs der altaïschen Sprachen, KSz, 2, Budapest, 1901, стр. 133—138, а также более новые работы: M. Lewicki, Przyrostki przysłówkowe -ra ~ -rä, -ru ~ -rū,

В самое последнее время алтаистика была значительно продвинута вперед исследованиями наиболее крупных представителей алтайского языкознания — польского ученого В. Котвича и финского исследователя Г. И. Рамstedта.

Опубликованная известным польским алтаистом Марианом Левицким посмертная капитальная работа В. Котвича „Исследование алтайских языков“¹, а также его предыдущие работы по алтаистике, в совокупности представляют собой опыт большой сравнительно-исторической грамматики алтайских языков, построенной на живом фактическом материале с учетом всех предыдущих исследований по урало-алтайским языкам.

Не менее важное значение для сравнительно-исторического изучения алтайских языков имеют также и последние работы Г. И. Рамstedта и прежде всего настоящая его работа „Введение в алтайское языкознание. Морфология“².

Г. И. Рамstedт, один из наиболее ярких представителей алтайского сравнительно-исторического языкознания, начал свою интенсивную научно-исследовательскую работу в первых годах нашего века капитальными трудами в области угро-финского (марийского, остяцкого)³ и главным образом монгольского (халхамонгольского, монгольского, калмыцкого и др.)⁴ языкознания. Однако большинство последующих работ Г. И. Рамstedта по своему материалу выходят далеко за пределы монгольского языкознания. Отрицая связи алтайских языков с угро-финскими, Г. И. Рамstedт вместе с тем расширяет пределы алтайской семьи языков за счет восточных языков, в первую очередь корейского и древнеяпонского.

Сравнительные исследования Г. И. Рамstedта в объеме всех алтайских языков начались не сразу. В первых своих работах Г. И. Рамstedт использует в большей степени материал монгольских и тюркских языков и в меньшей — тунгусских. Наиболее интe-

-ri ~-ri w językach altaïskich, Wilna, 1938 и D. Sinor, D'un morphème particulièrement répandu dans les langues ouralo-altaïques, „Toung Pao“, 37, 1944.

¹ W. Kotwicz, Studia nad językami altaïskimi, wydał Marian Lewicki, Rocznik Orientalistyczny, т. XVI, Kraków, 1953, а также, кроме упомянутых выше работ, его же, Contribution aux études altaïques, „Rocznik Orientalistyczny“: т. VII (I—III, стр. 130—234); т. XII (IV—V, стр. 122—142); т. XVI (A—B, стр. 327—368) и другие работы.

² G. J. Ramstedt, Einführung in die altaïsche Sprachwissenschaft. II, Formenlehre, MSFOu, 104, 2, Helsinki, 1952.

³ G. J. Ramstedt, Bergtscheremissische Sprachstudien, MSFOu, 17, XII, 1902, 219 стр. (горномарийский словарь и тексты с немецким переводом); его же, Über den Ursprung der sog. Jenisej-ostjaken, JSFOu, 24, 2, 1907 и др.

⁴ Из многочисленных трудов Г. И. Рамstedта по монгольскому языкознанию отметим лишь следующие: G. J. Ramstedt, Über die Konjugation des Khalkha-mongolischen, MSFOu, 19, 1903; его же, Das Schriftmongolische und die Urgamundart phonetisch verglichen, JSFOu, 21; 2, 1903 (русский перевод этой работы был издан в 1908 г.); его же, Mongolica, Beiträge zur Kenntnis der monghol-Sprache in Afghanistan, там же, 23, 4, 1905; его же, Kalmückische Sprachproben, MSFOu, 27, 1, 1909 и 27, 2, 1919; его же, Kalmückisches Wörterbuch, 1935, а также множество статей.

ресными для алтайского языкознания из его ранних работ, касающихся тюркско-монгольских языковых связей, являются работы, посвященные числительным¹ и глагольным аффиксам словообразования², а также исследования фонетико-грамматического характера³. Его изыскания в области тюркско-монгольских языковых связей были направлены на реконструкцию тюркско-монгольского языка-основы (праязыка).

В связи с алтаистикой интерес Г. И. Рамstedта привлекают сначала древние и современные тюркские языки⁴, а затем японский⁵ и корейский⁶ языки, которые изучаются им в аспекте их сравнительно-исторического сопоставления с другими алтайскими языками.

Только в последние годы Г. И. Рамstedт приступил к синтетическим работам по сравнительно-историческому изучению алтайских языков. Начав эту работу с частных вопросов фонетики и грамматики⁷, он пришел позже к своим фундаментальным исследованиям, представляющим собой синтез всех его ранних работ и работ других алтаистов. К таким синтетическим исследованиям Г. И. Рамstedта могут быть отнесены в области сравнительной грамматики алтайских языков — настоящая книга, а в области сравнительно-исторической лексикологии алтайских языков — его

¹ G. J. Ramstedt, Über die Zahlwörter der altaischen Sprachen, JSFOu, 23, 4, 1905.

² G. J. Ramstedt, Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen, JSFOu, 28, 3, 1912.

³ G. J. Ramstedt, Zur mongolisch-türkischen Lautgeschichte; I—II, KS, 15, Budapest, 1914, стр. 134—150; III, KS, 16, Budapest, 1915, стр. 66—84; его же, Ein anlautender stimmloser Labial in der mongolisch-türkischen Ursprache, JSFOu, 32, 2, 1916, 10 стр.

⁴ G. J. Ramstedt, Zwei uralische Runeninschriften in der Nord-Mongolei, JSFOu, 30, 3, 1913; его же, Как был найден „Селенгинский камень“, Труды Троицко-Кяхтинского Отделения Русск. Географ. Об-ва, 15, 1, 1914; его же, Перевод надписи „Селенгинского камня“, там же; G. J. Ramstedt, Zur Frage nach der Stellung des tschuwassischen, JSFOu, 38, 1, 1922; его же, Über den Ursprung der türkischen Sprachen, Sitzb. FAW, Helsinki, 1935; его же, Zum türkischen Konditional, Festgabe für J. J. Mikkola, „Finnisch-ugrische Forschungen“, 29, Helsinki, 1945.

⁵ G. J. Ramstedt, A comparison of the Altaic languages with Japanese, Transactions of the Asiatic Society of Japan, 2-4 ser., 1, стр. 41—54; его же, Zur Geschichte der Japanischen Sprache, Sitzb. FAW, Helsinki, 1942, стр. 133—144.

⁶ G. J. Ramstedt, Remarks on the Korean language, MSFOu, 58, 1928, стр. 441—453; его же, The nominal postpositions in Korean, там же, 67, 1933, стр. 459—464; его же, A Korean grammar, там же, 82, 1939, 200 стр. (русский перевод: Г. Рамstedт, Грамматика корейского языка, перевод А. А. Холодовича, под ред. Б. К. Пачкова, М., 1951); его же, Studies in Korean Etymology, там же, 95, 1949, 292 стр.

⁷ G. J. Ramstedt, Die Palatalisation in den altaischen Sprachen, „Annales Academiæ scientiarum Fennicæ“, Ser. B., 27, Helsinki, 1932, стр. 239—251; его же, Das deverbale Nomen auf -i in den altaischen Sprachen, „Studia Orientalia“, XI, Helsinki, 1951, 8 стр.; его же, Das deverbale Nomen auf -m in den altaischen Sprachen, MSFOu, 98, Helsinki, 1950, стр. 255—264; его же, The relation of the Altaic languages to other language groups, JSFOu, 53, Helsinki, 1947, стр. 15—26.

классическая работа „Калмыцкий словарь“¹, который по материалу, привлеченному автором из различных алтайских языков, является сравнительно-историческим словарем всех алтайских языков.

„Введение в алтайское языкознание“ Г. И. Рамstedта в обработке и издании Пентти Аалто является вторым томом обширного труда, посвященного сравнительной грамматике алтайских языков. По замыслу автора и издателя труд этот состоит из трех томов: первого тома, который еще находится в стадии редакционной его подготовки, — сравнительной фонетики алтайских языков, настоящего, второго тома работы — сравнительной морфологии алтайских языков, и третьего тома — фонетического, лексического и грамматического указателя к первым двум томам.

Таким образом, настоящая книга Г. И. Рамstedта, представляющая собой вторую часть обширного исследования, посвященная самой основной части сравнительно-исторической грамматики алтайских языков — морфологии — обзору многочисленных грамматических аффиксов, характеризующих все основные части речи алтайских языков.

Уже из оглавления книги Г. И. Рамstedта видно, какой обширный материал был обобщен автором в данной монографии, охватывающей в сравнительно-историческом аспекте, по существу, всю грамматику всей алтайской группы языков.

Особым достоинством работы Г. И. Рамstedта является то, что он, опираясь на факты тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и корейского языков, при анализе конкретных грамматических форм выводит на основании соответствующих фонетических закономерностей как бы общую для всех этих языков алтайскую форму, характерную для общеалтайского языка-основы, и, далее, приводит значительный фактический материал по каждой из перечисленных групп языков, иллюстрирующий и доказывающий правомерность реконструированной им формы (ср., например, § 9, 11, 13 и др.).

Благодаря такой методике создается определенная перспектива в развитии грамматических форм от наиболее древнего их состояния в алтайском языке-основе до соответствующих форм в современных живых языках алтайской семьи. Такая перспектива позволяет определить множество весьма любопытных и важных закономерностей в фонетической эволюции этих языков, в развитии их грамматического строя и словарного состава, которые в свою очередь являются необходимым средством для различного рода этимологических разысканий. Таким образом, книга Г. И. Рамstedта содержит большой и интересный материал для раскрытия этимологии множества загадочных по своему происхождению слов и грамматических аффиксов.

¹ G. J. Ramstedt, Kalmückisches Wörterbuch, Lexica Societatis Fennougricæ, 3, XXX, 560 стр.

Однако книга Г. И. Рамстедта имеет и некоторые методологические недостатки.

Несмотря на установление путем реконструкции многих древних грамматических форм, являющихся общими для всех алтайских языков и представляющих собой формы алтайского языка-основы, в книге Г. И. Рамстедта не дана полная характеристика алтайского языка-основы, не всегда выяснены отношения форм общеалтайского языка к соответствующим формам современных конкретных языков, входящих в алтайскую группу. Не несены хронологически тюркские, монгольские, тунгусские, маньчжурские языки, развившиеся из одного языка-основы. Так, например, не определены и не объяснены автором близость между собой языков тюркских и монгольских и различие их с языками тунгусо-маньчжурскими. Не установлены некоторые генетические связи между конкретными языковыми подгруппами, например тюркских языков с монгольскими и тунгусскими языками, в то время как по некоторым фонетическим закономерностям отдельные подгруппы тюркских языков находятся в несколько более тесной генетической связи с монгольскими языками, чем с близкородственными языками внутри группы тюркских языков; таковы некоторые фонетические и грамматические явления в чувашском языке по отношению к тем же явлениям в монгольских языках, или особенности фонетики якутского, башкирского и хакасского языков по отношению к некоторым фонетическим особенностям тунгусо-маньчжурских языков.

Из фонетических закономерностей, связанных также и с оформлением некоторых словообразовательных и словоизменительных аффиксов, до сих пор остается неизученным, например, соответствие тунгусского согласного *t* и маньчжурского *s* в позиции перед узким *i* тюркским и монгольским согласным $\check{s} \sim \check{s} \parallel s$, по которому некоторые тюркские языки, например якутский, хакасский (сагайский и бельтирский его диалекты) и башкирский сохранили древние связи с языками алтайской общности. Ср., например, соответствие тунгусского слова *gutin* и маньчжурского *gusin* монгольскому *gicin* „тридцать“; маньчжурского слова *jusin* и монгольского *kicin* современному алтайскому (ойротскому) *kiic* „сила“ (ср. в хакасском *kiis*, в якутском *kiiis* и в башкирском *kös* „сила“). Последние примеры указывают на древнейшие генетические связи якутского, хакасского и башкирского языков с тунгусо-маньчжурскими языками. Или, например, обратные соответствия между чувашским языком, с одной стороны, и другими тюркскими языками — с другой: чувашск. *çer* „колени“ и *tiz, tize* \parallel *diz, dize* „колени“ в других тюркских языках; чувашск. *çetne* „ноготь“ и *tugnaq* „ноготь“ в других тюркских языках, что сближает тюркские языки в большей мере с тунгусо-маньчжурскими, а чувашский язык с монгольскими языками.

Таким образом, различные группы языков, составляющие ныне алтайскую общность языков, на первоначальных этапах своего

развития имели несколько иные отношения и связи, о чем свидетельствуют некоторые особенности современных языков, по которым тюркские и монгольские языки могут быть объединены в группу $\check{s} \sim \check{s} \parallel s$, а тунгусо-маньчжурские в группу *t*-языков, хотя отдельные следы расхождения именно по данному признаку сохранились в некоторых конкретных языках.

В книге Г. И. Рамстедта задача установления относительной хронологии различных групп языков, входящих в состав алтайской семьи, равно как и отдельных языков, входящих в ту или иную группу, упрощена, и автор ограничивается только простым сопоставлением фактов вне их последовательной исторической связи.

Исследуя конкретные грамматические явления алтайских языков, Г. И. Рамстедт не ставил себе целью также и построение какой-либо общей схемы грамматики алтайских языков. И, хотя в книге есть попытка найти некоторые критерии разделения всех суффиксов и аффиксов на словообразовательные и словоизменительные, все же границы словообразования и словоизменения, а также и классификация формантов, реализующих образование новых слов и их изменение, так и остались не установленными. Принцип расположения суффиксов и аффиксов в книге в значительной степени напоминает принцип словарного описания формантов, расположенных по тематическому признаку. Каждая статья или параграф книги состоит из пяти частей. В первой части автор устанавливает отношение данного форманта либо к общеалтайскому фонду грамматических особенностей, либо к фонду какой-либо одной группы языков: тюркской, монгольской, тунгусо-маньчжурской, корейской. В последующих частях приводится соответствующий конкретный материал по каждой из указанных выше групп языков.

Таким образом, каждый из грамматических формантов рассматривается автором изолированно, вне связи этого форманта с другими суффиксами и аффиксами, близкими как по своему значению, так и по фонетическому оформлению.

Так, исследуя генетические связи алтайских языков в отношении, например, аффикса условной формы на *-sa* \parallel *-se*, которая характерна для тюркских языков, Г. И. Рамстедт рассматривает ее изолированно, вне связи с другими, близкими по фонетическому оформлению и семантике аффиксами, например *-sy* \parallel *-si* в значении „быть подобным кому-либо, быть таким, как кто-либо“, например в слове *quisy* „быть как раб“. Далее согласный *s* в аффиксах *-sa* \parallel *-se* \sim *-sy* \parallel *-si* по существующим закономерностям внутри данной группы языков или внутри всей алтайской семьи языков чередуется с другими согласными звуками, например: $s \sim z \parallel \check{s} \sim \check{z} \parallel \check{c} \sim \check{z}$ или $s \sim z \parallel t \sim d \parallel j \parallel r$ или $s \sim z \parallel l \parallel n \sim t \sim d$ и т. д., и таким образом другие аффиксы, несущие ныне иную словообразовательную или грамматическую функцию, генетически и в фонетическом и в семантическом отношении оказываются тесно связанными с аффиксами *-sa* \parallel *-se* \sim *-sy* \parallel *-si*. Таким образом, с аффиксами *-sa* \parallel *-se* \sim *-sy* \parallel *-si* < *-saq*, *-sar*

и т. д., ~-sek, -ser и т. д. ~-syq, -syг и т. д. могли быть и фонетически и семантически связанными аффиксы: -šaq||-šyq; -čaq||-čyq; -žaq||-žyq; -taq||-tyq; -daq||-dyq и т. д.

То же следует сказать, например, о генетической связи и происхождении такой группы аффиксов именного и глагольного словообразования, как аффиксы: -qaq||-kek; -qa||-ke; -aq||-ek; -q||-k; -yq || -ik (с вариантами) в тюркских языках и их отношении между собой внутри тюркских языков, а также между группами родственных языков.

При исследовании генезиса указанных аффиксов и определении их семантики Г. И. Рамstedт не устанавливает и не определяет отношения, например таких словообразовательных форм слов, как формы типа: buč-(q)aq „нож“¹ (при buč- „резать“), saǰ-yaq „острога“ (при saǰ- „колоть, вонзать“), čaq-(q)aq „ жало“ (при čaq- „жалить“), kes-(k)ek „отрезок“ (при kes- „резать“) и т. д.: к формам типа djöiö-k „трость“ < djöi(g)ö-k (при djöiö- „подпирать“), taqa-q „гребень“ < taq (γ)a-q (при taqa- „расчесывать“), küre-k „лопата“ < küre-(g)-ek (при küre- „сгребать“) и пр., и к формам типа tüne-k „место ночлега“, tün-le-k || tün-ge-k (при tüne- „ночевать“), buta-q „ветка, сук“ < but-ta-q, but-qa-q (при buta- „обрубать ветки деревьев“) и т. д.²

Так же как в лексическом составе каждого языка все слова связаны определенной взаимозависимостью в семантическом и фонетическом их развитии, так взаимосвязаны и все аффиксы словообразования и словоизменения; так же как существуют в лексике гнезда близких по значению и фонетическому оформлению слов, так и в системе словообразования и словоизменения имеются гнезда близких по грамматическому значению и фонетическому оформлению аффиксов. Подобно тому, как в лексике каждое новое значение укладывается в определенную лексическую систему значений — слов, имеющих определенное фонетическое оформление, — в словообразовании и словоизменении каждое новое лексико-грамматическое значение включается в выработанную в практике общения систему грамматических значений — аффиксов, имеющих также определенное фонетическое оформление, связанное внутри данной системы аналогичной причинной зависимостью. Поэтому для выяснения генезиса того или иного аффикса необходимо не только сравнение его с аналогичными формантами в других родственных языках, но и с близкими по фонетическому оформлению и грамматическому значению формантами как в данном, так и в других родственных языках. Только при этих условиях возможно более или менее точное определение и более тщательный анализ генетических связей данного грамматического форманта с другими.

¹ Для иллюстрации отношений аффиксов -qaq||-kek, -aq||-ek и т. д. даны примеры из горно-алтайского (ойротского) языка; ср. алт. bučqaq (кожа или мех, срезанный с лапок животных).

² Ср. алт. bür „лист, почка“; bür-ke- „покрывать, накрывать“, bür-ke-k „покрытый, пасмурный“.

При рассмотрении же всех грамматических и словообразовательных аффиксов в виде отдельных словарных статей без попытки установления связи аффиксов между собой возможны значительные отклонения от правильного разрешения вопросов генезиса грамматических форм. В книге Г. И. Рамstedта некоторые гипотезы не подкреплены мотивировками, опирающимися на анализ всей системы аффиксов, связанных между собой либо своим фонетическим оформлением, либо грамматическим значением. Вызывают в связи с этим некоторые сомнения его гипотезы: а) о происхождении аффикса множественного числа -laŋ||-leg в тюркских языках из общеалтайского *paŋ „совокупность“; б) о генезисе личных и указательных местоимений, развитие которых следует рассматривать в тесном их взаимодействии; в) о первичной основе глаголов ba- „связывать“, ö- „понимать“ и словообразовательном значении конечных -γ (baγ-), -g (ög-) и др.

Только в системе противопоставлений семантических и грамматических значений могут быть поняты производные формы глагола: имена действия, причастия и деепричастия, которые Г. И. Рамstedт рассматривает в одном плане отглагольных имен, без дифференциации их на три разряда производных форм глагола, имеющих свою специфику, составляющую особую систему не только по каждой из родственных групп, входящих в алтайскую семью языков, но и внутри этих групп. Так, например, внутри тюркских языков огузские языки имеют одну систему этих форм, кыпчакские языки — несколько иную, карлукские языки — третью и т. д.

Для более точного установления генетических связей алтайских языков между собою и анализа самого процесса развития этих языков необходимо изучать все явления языка в определенной системе, исходя из установленных для всех сравниваемых языков общих теоретических предпосылок. Так, при изучении в сравнительно-историческом плане словообразовательных и словоизменительных процессов в алтайских языках, необходимо прежде всего определить морфологическую структуру слова, которая, являясь в основном общей для всех алтайских языков, имеет, естественно, много характерных отличительных черт по сравнению, например, с морфологической структурой слова в индоевропейских языках.

Как уже отмечалось выше, в настоящем исследовании Г. И. Рамstedта не всегда четко определены границы корня слова, его основы, а еще в большей степени нечетки границы между словообразовательными и словоизменительными формантами в слове, что мешает автору установить внутренние связи между генетически близкими явлениями не только для отдельных групп языков, но и для языков, входящих в одну и ту же группу.

В алтайских языках, относящихся к языкам агглютинативным, структура слова весьма прозрачна и поддается более точному анализу, чем структура слова, например в языках флек-

тияных; это объясняется реализацией всех словообразовательных и словоизменительных категорий в виде выделяющихся в слове частиц-приставок или аффиксов. Таким образом, каким бы сложным по своему составу и количеству аффиксов слово ни было, оно легко расчленяется на свои составные части и легко выделяет свою основу и корень, который, как правило, остается неизменным и в основном сохраняет свой фонетический облик, независимо от того, в какой грамматической форме это слово выступает и какой аффикс эту форму выражает. Все словообразовательные и словоизменительные аффиксы присоединяются к корню механически, как бы приклеиваясь к нему. Благодаря этому свойству агглютинативных языков представляется возможность не только проанализировать самый механизм агглютикации и проследить постепенное наслоение словообразовательных и словоизменяющих аффиксов, но и установить специфику каждой образующейся в процессе словообразования основы слова, а также и дифференцированное значение каждого присоединяющегося к ней аффикса. Значение же каждой основы, образующейся в процессе словообразования, а также значение аффиксов, образующих эти основы, позволяют в свою очередь определить различные типы основ и различные типы аффиксов.

Г. И. Рамstedт несколько упрощает структуру слова в алтайских языках, разделяя слово только на два структурных элемента: а) его основу и б) окончание, не вдаваясь в дальнейший анализ, как самой основы, расчленяющейся на некоторые составные свои элементы: корень и словообразующие аффиксы, так и окончания, которые, как это видно из материала, подразделяются также на различные типы и классы.

С точки зрения морфологической структуры, каждое слово в составе предложения и словосочетания в агглютинативных языках состоит обычно из следующих своих конструктивных элементов: 1) корня слова, который в агглютинативных языках может выступать, в отличие от языков флективных, в качестве самостоятельного слова, содержащего реальное вещественное значение, и, в соответствии со своей функцией в составе предложения или словосочетания, определенную грамматическую форму; 2) аффиксов лексико-грамматического словообразования, определяющих главным образом лексическое значение слова и грамматическое отнесение данного слова к той или иной части речи; корень вместе с аффиксами лексико-грамматического словообразования образует первую основу слова, которая подобно корню может также выступать в качестве самостоятельного слова в составе словосочетания и предложения; 3) аффиксов функционально-грамматического словообразования, определяющих функцию данного слова в составе словосочетания или предложения; первая основа, состоящая из корня и аффиксов лексико-грамматического словообразования, вместе с аффиксами функционально-грамматического словообразования образует вторую основу слова; 4) аффиксов словоизменения, ука-

зывающих на отношение данного слова к другим словам в составе словосочетания или предложения.

Корень слова, представляющий в агглютинативных языках неделимую и неизменяемую часть слова, содержащую вещественное, реальное значение, может быть первичным непримодным, т. е. состоять только из корневого ядра, например: в тюркских языках: *kel-* „приходить“ ($C + \Gamma + C$), *je-* ($< jej-$), „есть, кушать“ [$C + \Gamma (+ C)$], *ol-* ($< bol$) „быть, стать“ [$(C +) + \Gamma + C$], *e-* ($< jir-$), „быть“ [$(C +) \Gamma (+ C)$] и пр., или вторичным производным, т. е. состоять из корневого ядра и омертвевших, неотделимых уже аффиксов словообразования, например: *quz-y1* „красный“, *jüt-ek* „сердце“ и пр.

Г. И. Рамstedт не выделяет в своем исследовании так называемые мертвые аффиксы как особую группу формантов, требующих специфических методов исследования, хотя и отмечает наличие их в алтайских языках. Следует, однако, отметить, что для истории данной группы языков мертвые, непродуктивные аффиксы представляют значительный интерес как наиболее архаичные пережитки грамматического строя данных языков. Глубокий анализ мертвой аффиксации мог бы лучше осветить наиболее неясные вопросы генезиса изучаемых языков.

Непримодный или производный корень в сочетании с живыми аффиксами лексико-грамматического словообразования образует первую основу слова. К аффиксам лексико-грамматического словообразования, образующим первую основу слова, относятся несколько типов: во-первых, аффиксы, реализующие переход (конверсию) одной части речи в другую; к ним относятся прежде всего аффиксы образования имен от глаголов и глаголов от имен, а также и все прочие аффиксы, образующие одну часть речи от другой; во-вторых, аффиксы, реализующие различные модификации значения данного слова без преобразования его в другую часть речи; к ним относятся две группы аффиксов: 1) аффиксы, образующие глаголы от глагольных же корней, к которым относятся, например, все аффиксы, образующие залоговые и видовые формы глагола, и 2) аффиксы, образующие имена от именных же основ, к которым относятся, например, все аффиксы, образующие уменьшительные формы имен, степени сравнения прилагательных и наречий и т. д.

Все аффиксы лексико-грамматического словообразования служат либо средством модификации и уточнения семантики слова, либо средством перехода данного слова из одной части речи в другую, т. е. преобразуют слово, изменяя его в большей степени в лексическом и в меньшей степени в грамматическом плане. Таким образом, в первой основе слова формируются лексико-грамматические категории, которые в значительной мере еще сохраняют характер лексических обобщений, например названий предмета, названий качественного, количественного и других признаков, на основе которых устанавливаются категории частей речи.

Вторая, или функционально-грамматическая, основа слова состоит из первой основы плюс аффиксы функционально-грамматического словообразования (или формообразования). Если в первой основе аффиксы лексико-грамматического словообразования образуют свою систему лексико-грамматических категорий и прежде всего систему частей речи, то во второй основе аффиксы функционально-грамматического словообразования образуют более абстрактные и общие для всех частей речи функционально-грамматические категории: субстантива и атрибутива (определятельного и обстоятельственного). К субстантивным формам независимо от отношения к тем или иным частям речи относятся как субстантивные формы именных частей речи: существительных, числительных, местоимений, так и субстантивные формы глагола (имена действия). К атрибутивным (определятельным и обстоятельственным) также относятся соответствующие формы как именных частей речи: прилагательных (и наречий), числительных и местоимений, так и глаголов (причастия и деепричастия).

Образуя свою систему грамматических форм, аффиксы функционально-грамматического словообразования формируют и определяют вторую основу слова, которая содержит в себе уже сложный комплекс грамматических форм, включающий в себя и лексико-грамматическое значение какой-либо части речи и функционально-грамматическое значение субстантива или атрибутива.

Аффиксы функционально-грамматического словообразования уже освобождены от вещественно-лексической основы обобщения. Являясь средством образования более абстрактных грамматических форм субстантивов и атрибутивов, они служат лишь признаками или критериями, определяющими каждую лексико-грамматическую категорию частей речи, так как для каждой части речи характерны особые отличные аффиксы функционально-грамматического словообразования.

Таким образом, вторая основа слова представляет как бы синтез и лексического и грамматического словообразования. В ней, кроме реального вещественного значения (корня), выражены сопутствующие грамматические категории и лексико-грамматического словообразования, т. е. той или иной части речи (первая основа) и функциональной формы субстантива или атрибутива (вторая основа).

В работе Г. И. Рамstedта вся система словообразования алтайских языков рассматривается без должной дифференциации аффиксов словообразования не только на частные типы и классы, характеризующие те или иные семантические разряды слов, но и на принципиально различные группы или разряды аффиксов лексико-грамматического словообразования и аффиксов функционально-грамматического словообразования или формообразования. Это мешает автору рассмотреть соответствующие грамматические явления языков в определенной системе так же, как он делает это, например, в отношении основных категорий словоизменения.

Наконец, для уточнения отношений слов в составе словосочетания или предложения функциональные формы различных частей речи, как конечный результат словообразования и детерминации слова в лексическом и грамматическом отношениях, приобретают соответствующие словоизменительные формы.

Словоизменение — система грамматических форм, выражающих отношение слов в словосочетании и предложении, представлено в большинстве алтайских языков четырьмя основными категориями: числа, принадлежности, падежа и лица.

Грамматические категории числа, принадлежности, падежа и лица являются высшей степенью грамматической абстракции. Если корень слова содержит максимум смыслового, семантического и минимум грамматического значения, а первая и вторая основы слова характеризуются различными лексическими и грамматическими его модификациями, то аффиксы словоизменения завершают грамматическое оформление слова, выражая абстрактные его отношения в составе предложения или словосочетания, совершенно не изменяя его лексического значения.

Аффиксы словоизменения, оформляющие отношение слов в словосочетаниях и предложениях, так же как и аффиксы словообразования, неоднородны по своему составу. Большинство из них может сочетаться только с субстантивными формами. К последним относятся аффиксы числа, принадлежности и падежа. Оформляя атрибутивные формы частей речи, эти аффиксы вместе с присутствующим им грамматическим значением субстантивируют эти формы; например, присоединяясь к причастию аффиксы числа, принадлежности и падежа, субстантивируют причастие: ср. тюркск. *kelgenler* „пришедшие (люди)“, *kelgenge* „пришедшему (человеку)“, *kelgenim* „мой приход в прошлом“ и т. п. Аффиксы же лица, напротив, исторически могли присоединяться только к атрибутивно-определятельным формам. Оформляя субстантивные категории частей речи, они атрибутивируют эти формы.

Таким образом, аффиксы словоизменения, кроме грамматических форм, образуемых ими, являются в то же время признаками, определяющими субстантивные и атрибутивные функционально-грамматические категории.

Итак, морфологическая структура слова агглютинативных и, в частности, тюркских языков характеризуется последовательным и строго определенным закрепленным в языках порядком расположения составных морфологических компонентов слова. Чем ближе те или иные форманты находятся к корню слова, тем менее абстрактными они являются, тем больше в них заложено лексического значения и тем меньше грамматического. И, напротив, чем дальше форманты находятся от корня слова, тем более абстрактными они являются.

Каждая из указанных выше групп аффиксов, являются ли они аффиксами лексико-грамматического или функционально-грамматического словообразования, или аффиксами словоизменения, состав-

ляет определенную систему, которая и должна рассматриваться при сравнительно-историческом изучении языков в целом как система, соответствующая в той или иной степени той же системе в сравниваемых близкородственных языках. В данном своем исследовании Г. И. Рамstedт ограничился только выделением системы словоизменительных формантов. Что же касается словообразования, то вся масса аффиксов, различных как в отношении их продуктивности, так и в отношении значения, рассматривается автором без дифференциации их на соответствующие типы и ряды, образующие своеобразные системы лексико-грамматических и функционально-грамматических категорий, специфичных для той или иной группы языков.

Несмотря на все это, книга Г. И. Рамstedта безусловно является крупным достижением алтайского языкознания. По своему материалу и охвату всех основных процессов словообразования и словоизменения она выходит далеко за пределы скромного своего названия „Введение в алтайское языкознание“ и представляет по существу довольно полную сравнительную грамматику алтайских языков. Смерть помешала автору самому реализовать издание своего труда, который, может быть, и был бы композиционно видоизменен в направлении более систематического изложения грамматического строя алтайских языков. Но и в данном своем виде книга не теряет значения ценного пособия, появлением которого наука обязана одному из ближайших учеников Г. И. Рамstedта — Пентти Аалто, положившему много кропотливого, но благодарного труда на издание книги своего учителя.

Н. А. Баскаков.